

Н.Е. Покровский

**НЕИЗБЕЖНОСТЬ СТРАННОГО МИРА:
ВКЛЮЧЕНИЕ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО**

В свое время было много сказано о социологическом воображении, ныне уже ставшем хрестоматийным понятием в начальных курсах социологии. Но несравненно меньше знаем мы о социологическом чувстве, социологической интуиции, позволяющих подсознательно обобщать жесткие данные и наблюдения, даже не замечая этого, проводить необъявленные опросы и фокусированные интервью, не прибегая ни к каким формальным процедурам, участвовать в социологических экспериментах, даже не подозревая об этом. Это социология, уходящая в сознание социолога или, скорее, возникающая из него, и позднее получающая свое подтверждение или опровержение по всей строгости известных социологических процедур.

Последний год, последние месяцы и в особенности последние недели все с большей настоятельностью заставляют задуматься о том, что мы здесь, в России, переживаем интуитивно очевидное, но формально-социологически еще не оформленное вступление системы в новый фазис своей эволюции. Это есть ощущение новизны социального климата вообще (именно: вообще, а не в частностях, ибо в частностях всегда есть доля новизны). Это есть ощущение стремительного ухода старой, прежней социальной реальности и наступления новой эпохи, если угодно. В каком-то смысле эта интуитивно определяемая новизна воспринимается мною даже более остро, чем новизна конца 1980-х и начала 90-х годов. Тогда это было поступательное движение в неизведанное, осуществлявшееся по заранее определившимся маршрутам трансформации (перестройки), либерализма, свободных рынков и т.д. – всего того, что к тому времени уже зарекомендовало себя в системе модерна. Теперь же речь идет о чем-то совершенно новом и не укладывающемся в известные образцы, о качественно иной композиции общества, о превращенной системе координат.

Восприятие фундаментальной новизны ситуации можно конкретизировать в нескольких тезисах:

- период транзита и перехода куда-либо завершен;
- в России укрепилась новая социальная структура, в значительной степени блокирующая (как сейчас, так и в обозримой перспективе) какие-либо значительные социальные изменения;

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор факультета социологии Московского государственного университета.

Адрес: Москва, Фрунзенская наб., д. 50, кв. 538.

Тел.: (095) 242-68-81.

E-mail: Nikita@theo.soc.msu.su

– общество вошло в состояние равновесной и долговременной стабильности.

Это состояние представляет собой баланс неопределенностей и фрагментаций, которые никогда и не будут определены, дефрагментированы и достроены до единого целого. Напротив, эта фрагментированность и есть залог стабильности. Данное состояние не является только российской проблемой – это глобальная тенденция, нашедшая в России свое, пожалуй, самое разительное проявление в силу резкого снижения инерциальной сопротивляемости российского общества.

В России, однако, наблюдается своеобразный симбиоз активных глобалистических тенденций с традиционалистскими, отчасти полуфеодалными напластованиями. Это и создает причудливый, подчас даже экзотический профиль российской ситуации.

Десятилетие кризисного развития России (называемое ныне «переходным периодом» или «транзитом») привело не только к весьма характерному переорождению общества на всех его структурных «этажах», но и к необратимому видоизменению внутренних феноменологических конструкций массового сознания. Порой возникает достаточно устойчивое впечатление, что выработанные десятилетиями, если не столетиями «линейные» характеристики общественного развития не вполне применимы, если применимы вообще, к анализу современной российской ситуации. Привычные шкалы и эталоны в России более не действуют.

Если опираться на социологическую традицию, то вполне можно прийти к выводу, что российское общество находится в состоянии активного и целенаправленного саморазрушения, по большому счету не столь уж и спровоцированного внешними факторами. (Речь идет именно о саморазрушении, ибо иначе просто трудно истолковать ярко выраженные тенденции деструкции, наблюдаемые во всех институтах российского общества и, что удивительно, поддерживаемые коллективным поведением носителей действия.)

Повсеместно господствующая аномия, т.е. дисперсия ценностного поля, охватила сферы экономики, политики и культуры.

Экономика. Теневая (по сути криминальная и полукриминальная, деликатно называемая «неформальной») экономика укрепилась в качестве ведущего хозяйственного уклада. Казалось бы, это должно было привести к полному вырождению экономической жизни общества и крушению его экономических структур. Но российское общество в общем и целом выживает как на индивидуальном уровне, так и на уровне экономических макроструктур. Апокалипсиса не происходит. Между тем, новый экономический уклад совмещает в себе самые различные и, казалось бы, несовместимые «фрагменты»: технологически передовой постиндустриализм и квазирынки, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию. Причем это не переходная многоукладность, а именно стабильный новый уклад.

Политика. Российская политика, согласно традиционной шкале оценок, представляет собой театрализацию, замешанную на экономическом интересе и крови. Игровой момент, лицедейство превалирует над остальными характеристиками. (В этом смысле политологию мож-

но, в принципе, рассматривать как театральную критику, особенно имея в виду роль PR и СМИ в политическом процессе.) Сама демократия, во имя которой в России в последние годы было поднято столько здравниц, превратилась, даже еще не оформившись, в нечто совершенно нетрадиционное – *манипулятивную демократию*, т.е. использование внешней формы демократического процесса для сокрытия глубоко недемократической и даже антидемократической сути этого процесса. Причем активной стороной этого феномена стал и сам электорат, с готовностью принявший правила игры и даже нашедший в ней некую игровую отдушину.

Культура. Культура также подчинена строго манипулятивным процедурам, с одной стороны, оправдываемым так называемыми требованиями рынка (при отсутствии свободного рынка как такового), с другой стороны, осуществляемым на фоне ухода с исторической сцены характерной для России социальной группы – интеллигенции – и превращения ее в квазигруппу интеллектуалов. Все эти изменения ставят макросоциологические вопросы, ответы на которые с большим трудом просматриваются в рамках современной российской социологии.

Массовое сознание и коллективное поведение

Глобалистические тенденции радикально меняют привычные картины жизни и в сфере массового сознания и коллективного поведения, носителем которого, как известно, считается «народ». Собственно говоря, в классической социологии такого понятия нет, зато есть понятия «население», «электорат», «общество» (хотя это более широкое понятие), «коллективный носитель действия», «массы», наконец, «народные массы».

Как бы то ни было, российская социологическая традиция, восходящая к народничеству XIX века, открыто или имплицитно опирается на это квазипонятие. Народ – это субстанция истории и государства. Несмотря на приливные волны современной западной социологии, за последние десятилетия, существенно размывшие традиционную российскую социологическую традицию, понятие «народ», хотя почти подсознательно, но все же существует в системе наших социологических ориентиров. Причем это присутствие носит не столько социологический характер, сколько метафизический, а более точно, онтологический. Некая бытийственность российской социологии опирается на признание наличия этого усредненного и обобщенного до обезличенности субъекта социального и исторического действия.

Пусть так. Вопрос в данном случае заключается не в том, есть ли «народ» как таковой в системе социологических координат, а в том, что происходит с субъектом массового сознания и коллективного поведения. И надо признать, что видоизменяется этот субъект до неузнаваемости.

Последнее десятилетие, как представляется, подвело решительную черту под тем идеалом, который рисовали классики прошлой и настоящей российской литературы (полтора столетия выступавшей в России в каче-

стве инобытия социологии) – Л. Толстой, А. Твардовский, В. Распутин. Глубины народной жизни и народного сознания на пороге XX века перестали быть тем, чем были раньше. Субъект коллективного поведения продемонстрировал новые качественные характеристики.

Сотни политологов безрезультатно спорят по поводу электорального поведения жителей России, пытаясь найти рациональное объяснение тем нередко многочисленным абсурдным предпочтениям, которые материализуются в ходе многоуровневых политических выборов, включая высшие. Не меньшее удивление вызывает пассивная реакция населения на военный конфликт на Кавказе, падение жизненного уровня, положение этнических русских в странах ближнего зарубежья, повсеместную криминализацию общества и пр. Каждая из перечисленных точек напряжения социальной структуры теоретически могла бы взорвать всякое иное общество, но в России этого взрыва не происходит. Социальный протест, даже возникая по тому или иному поводу, тут же затухает, не имея внутренней центробежной энергии. Интерпретации подобного состояния общества многочисленны: от рассуждений о снижении «пассионарности» нации до известной фразы публициста: «Россия, ты одурела».

Между тем, Россия вовсе не «одурела». Дело, как представляется, в другом. Вхождение российского общества в глобализированное состояние привело к качественному изменению, в том числе и самого населения. Только либеральные критики советского режима могли полагать в свое время, что демократизация и последующий транзит изменят в «нужном» направлении одни свойства системы, но другие оставят такими, какими они были. Изменилось все, притом часто в довольно неожиданном направлении. Система отреагировала на нарушение баланса, следуя своей внутренней логике.

Современное глобализированное население России, как видится, безвозвратно ушло от «народных картин», рисовавшихся интеллигенции далекого и близкого прошлого. Это – качественно новая общность, которую можно попытаться смоделировать следующим образом:

– Ориентированность на материальное потребление, пусть даже самого низкого уровня.

– Постоянное сужение поля социального интереса.

– Необычайная пластичность, способность адаптироваться к любым социальным изменениям.

– Виртуализация, то есть чаще всего неосознанное вхождение в мир всякого рода «симулякров», искусственных мифологем, не имеющих прямых связей с реальностью объективной; как внешнее проявление этого – подчиненность средствам массовой информации.

– Снятие любых нравственных тем, вообще отсутствие регулирующих функций нравственного сознания; аномия.

– Преклонение перед любой властью, даже в ситуациях относительной свободы выбора альтернатив.

– Культурная нетребовательность и готовность к потреблению любого культурного эрзаца.

Указанные характеристики, между тем, не свойственны населению исключительно России. В известной мере это тенденция общецивилизационная, обнаруживающая себя в контексте глобализации.

Принципиальная схема глобализации

Анализ и обобщение теоретических и прикладных исследований по данной теме показывает, что в России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым культурным изменениям, но, напротив, в силу значительной ослабленности социальной структуры российского общества, активно реализуют себя большинство глобалистических тенденций в их яркой «гибридной» форме. В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих культурных тенденций и выступает в качестве своеобразного полигона, на котором испытывают себя те культурные феномены, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном масштабе.

«Идеальный тип» современной глобализации включает следующие компоненты: а) **всеохватность и комплексность изменений при переходе к глобальной стадии** (меняются все параметры социальных структур и сама изменчивость, «пластичность» становится главной позитивной ценностью); б) **все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование** по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется; в) **гибридизация культуры**, т.е. процесс быстрого составления (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых составных частей, особенно в сфере поп-культуры; г) **акцентирование «глубинных» феноменов** (докультурных, доцивилизационных), которые получают раскрепощение; д) **решительное изменение ориентации рациональности от «модерна» к «постмодерну»** с его акцентом на мозаичности и внутренней несвязанности восприятия и конструирования социальной реальности; е) **признание гражданского общества** единственной формой социальной упорядоченности глобального социума. Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению (оперантность), полностью гарантированное качество на определенном уровне, упакованность в яркие символические формы, виртуализация культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен). Джордж Ритцер формулирует рационалистическую модель американизации в лапидарной схеме:

Efficiency – эффективность, прежде всего экономическая;

Calculability – просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей;

Predictability – предсказуемость;

Control through Nonhuman Technologies – контроль за поведением со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов [1].

Условно назовем это *принципом ECPC* подобно парсоновскому *принципу AGIL*. Данная модель разработана Ритцером с опорой на методи-

ческие принципы М. Вебера и К. Маннгейма. При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой. Наверное, нет смысла уподоблять принципы «макдональдизации», предложенные Ритцером, классической веберовской модели протестантской этики. И тем не менее, аналогии неизбежно возникают.

Вебер (как и Маркс) фактически «открыл» капитализм, т.е. показал смысл и логику всего происходившего в обществе. Нечто подобное осуществляет и современный американский социолог, расколдовывая загадочную сложность американизированной цивилизации, осуществляющей свою поступательную экспансию. Оказывается, вся эта сложность в большей или меньшей степени укладывается в четыре принципа. (Кстати сказать, у Вебера их было не больше.) Можно спорить по поводу того, насколько принципы Ритцера универсальны и описывают ли они все современные общества. Но кажется достаточно убедительным тот факт, что в значительной мере разгадка «посткапитализма» близка.

Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя под именем глобализации всем современным сообществам. Пытаться избежать ее так же бесполезно, как в свое время было бесполезно пытаться избежать капитализма (даже если его и называли социализмом).

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них социальных матриц?

1) *Всеохватность и комплексность изменений.* Прежде всего, теория глобализации подчеркивает: основной акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных траекторий социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимополноте. Это подразумевает особое внимание социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности.

2) *Противопоставление глобального и локального в области культуры.* Другой аспект глобализации основывается на рассмотрении тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких локальных ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Иначе говоря, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. Процесс «отказа» от «старого» идет быстро, решительно, зримо, причем, всякое «новое» обладает, по мнению сторонников этой теории, заведомым преимуще-

ством, поскольку оно «глобальное». Из этого, в принципе, следует, что это глобальное приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах.

3) *Множественность культурных гибридов в области культуры.* Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по-преимуществу как нечто либо наследуемое, либо «спускаемое сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса конфликтности (*politicized contestation*). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов», с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

4) *Упразднение национально-государственного фактора в его культурном измерении.* Теория глобализации последовательно выступает против социетализма, с одной стороны, и национализма, с другой. Что касается последнего, то в понятие «национализм» отныне включаются такие феномены, как национальные государства-страны, национальные социокультурные традиции, национальные типы сознания и т.д.

5) *Примордиальные феномены и гражданское общество.* В связи с теорией глобализации своеобразный поворот получает и тема «гражданское общество». Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся «примордиальные» феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I* и проявляющие себя в контексте этнического начала, расы, пола занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах. Мозаичный набор социальных типов и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

6) *Новая концепция рациональности.* Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества» по контрасту с «постсовременным обществом», порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода выражения многообразия, что находит частное проявление в теории мультикультурализма, т.е. в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной карты той или иной региональной или профессиональной группы [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

I. Высшее образование

Особый смысл новые культурные ценности приобретают в системе высшего образования, которое служит, как известно, одним из главных агентов социализации, т.е. воспроизводства ценностных структур обществ.

Высшее образование в новом порядке ценностных ориентаций уже не служит источником распространения фундаментальных научных ценностей. Потребители высшего образования, в том числе и в России, прежде всего ценят его (а) доступность или «удобство», т.е. минимум физических усилий для получения максимального результата, (б) экономическую усредненность и эффективность («платить меньше – получать больше»), (в) упакованность учебных программ в яркие функциональные «обертки», облегчающие потребление товара, которым являются знания и умения, (г) последующую максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний.

В этом смысле университеты, а равно и школы, уже не воспринимаются в качестве святилищ разума, а профессура и учителя – в качестве священнослужителей. И те и другие эволюционируют, скорее, в направлении обслуживающего персонала, поставляющего эффективные продукты, готовые к употреблению. Причем профессура изготавливает продукт на внутреннем рынке образования, а студенты (в будущем выпускники и молодые специалисты) распространяют его (т.е. себя) на рынке внешнем [1; 10; 11; 12; 13].

II. Туризм

Одной из разновидностей современной российской городской культуры стал туризм. И хотя социологически он охватывает лишь то, что можно с большой натяжкой назвать «средним классом» (не считая социологически немногочисленного высшего класса), в принципе туризм уже превратился в культурную матрицу, своеобразную «икону» всей современной российской культуры в целом. В качестве ценностной ориентации выступает прежде всего зарубежный туризм. Как популярная культурная ценность туризм несет в себе следующие черты: (а) высокая степень предсказуемости и управляемости проведения реакции, (б) высокая эффективность и концентрированность удовольствий, (в) легко планируемые и «просматриваемые» вперед расходы, (г) «упакованность» и высокая степень контролируемости программы. В традиционной российской культуре путешествия символизировали ожидание необычного и эмоционально насыщенного культурного опыта, прежде всего, связанного с переживанием исторической и природно-эстетической реальности. Ныне туризм в России, как и в остальном мире, превращается в индустрию «квантированных» удовольствий, которые подразумевают не столько культурные, сколько чисто физиологические аспекты потребления. Если прежде туризм ассоциировался с ценностью рискованного, но культурно насыщенного путешествия, то ныне он превращается в систему фокусированного получения физиологических удовольствий (так называемое «обслуживание», которое занимает первую позицию значимости в туристической программе). Основным мотивационным фактором развития туризма в феноменологическом плане следует считать не стремление приблизиться и, в качестве сверхзадачи, постичь мир иной культуры и иной социокультурной и экологической реальности, а обретение адекватности

той культурной гиперреальности, которая создается телевизионной рекламой и статьями в популярных журналах в ярких обложках. Именно эта гиперреальность и становится реальностью современных путешествий. Иными словами, критерием эффективности туристической программы становится ее соответствие рекламе. Закольцованная функциональная корреляция замыкается: реклама существует для туризма, туризм — ориентирован на рекламу. В этом смысле развитие интерактивных форм гиперреальности, как представляется, в будущем будет стимулировать «туризм без путешествия» — использование возможностей, скажем, Интернета и других технических систем (новых типов кинотеатров) для создания «реальности» путешествия без физического перемещения в социокультурном пространстве. Все в большей степени туристские объекты во всем мире принимают характер имитаций и, соответственно, ухода от подлинной историко-культурной аутентичности, например, декорационно-имитационные реставрации и восстановления исторических объектов, сувенирная индустрия, этнографические имитации и пр. — притом имитации как более «яркие» и доходчивые замещают аутентичность. Характерно и то, что для многих профессий туризм становится формой, непосредственно связанной с работой в том смысле, что работа подразумевает путешествия, включающие немалый компонент туризма [13; 14; 15; 16].

III. Труд

Сходные тенденции эволюции социо-культурных ценностей можно наблюдать и в развитии современных форм труда.

В первоначальной христианской традиции труд выступал не только искупительным страданием, но фундаментальным профессиональным предназначением человека (*Beruf*, по Веберу), исполненным экзистенциальной сакральности. Подобная онтологическая сакральность труда пронизывала всю европейскую и русскую культурные традиции и, по сути, представляла собой феноменологическую смыслонаделяющую конструкцию. Подобно тому, как Бог не мыслим вне своего всемогущества, так и человек не мыслился вне целенаправленного труда.

Иной статус труд обретает в контексте глобализации.

Труд превращается в развлечение и средство получения удовольствия. Некой новой моделью становится молодой программист или дизайнер веб-страниц, самозабвенно колдующий над своими письменами и полностью отдающийся — с почти наркотической привязанностью — своему делу. Разумеется, далеко не все виды современного труда отвечают принципу «развлечение+удовольствие». По-прежнему немалая доля, в том числе в развитых постиндустриальных странах, приходится на физически и умственно тяжелые формы труда. Но исторический баланс неуклонно склоняется в пользу посткапиталистического труда-игры.

Современный человек не связывает себя ни с одной профессией, ни с постоянным местом работы и трудовым коллективом. Он находится в непрерывном поиске «веселой» работы, которая была бы не в тягость, с хорошим вознаграждением, но без необходимого рискованного вло-

жения сил. Все носит временный, эпизодический характер. Любая работа рассматривается как «хорошая» до тех пор, пока она не предъявляет свои принудительные требования.

Это относится и к высокотворческим специальностям, связанным с вычислительной техникой и другими современными технологиями, в не меньшей степени это относится и к примитивным формам занятости, например, к челночеству, о чем неоднократно писала В.Г. Федотова. Между высококвалифицированным специалистом новой генерации и примитивным челноком не столь уж много различий. Оба предельно динамичны, нетребовательны к условиям труда, не скованы нравственными принципами, готовы приспособиться к любой ситуации – лишь бы был «фан» (от англ. *fun* – легкое и бездумное удовольствие). Причем эту вольницу высоко ценят все глобализовавшиеся субъекты труда. Знаменитый лозунг стоиков: «Проживи незаметно» ныне можно переформулировать: «Проживи весело». При этом большое значение придается внешним аксессуарам престижности и соответствующим формам престижного потребления – все это создает новую ценностную реальность трудовой деятельности [13; 17; 18; 19; 20].

Подобные 20–30-летние молодые люди наводняют современные офисы, вызывая по меньшей мере раздражение со стороны людей более старшего возраста, видящих во всем этом печать деградации молодежи. Непонимание того, как работают молодые, результат не только естественных поколенческих различий. Проблема, как представляется, более фундаментальна. Различные поколения в наши дни, в рамках одной исторической длительности относятся к различным эпохам, т.е. к различным типам рациональностей – в том числе и в области трудовых отношений.

Заключение

Новые ценностные ориентиры, реализующие себя в современных формах культуры, порождают целый ряд феноменов, которые следует считать не культурной девиацией, но, напротив, образцами новых гибридных форм культуры.

К числу подобных гибридных культурных форм, помимо образования, туризма, труда, можно отнести кажущиеся одиозными, но фактически ставшие нормативными шоу-бизнес, рекламу, масс-медиа, псевдодемократический политический хэппенинг (лицедейство и театрализация).

Весьма примечательно, что эти явления, получившие в России конца 1990-х годов небывалое распространение, в значительной мере представляют общемировую, глобализирующую саму себя реальность. Однако в отличие от стабильных западных обществ, где указанные феномены пока еще ограничиваются и регулируются рационально-традиционными социальными институтами, в условиях российской нестабильности они проявляют себя сполна. Есть немало оснований предполагать, что заявляющая о себе новая, а пока еще отчасти девиантная гибридизированная культура вскоре превратится в базовую. В этих условиях традиционные фундаментальные ценности культуры окончательно превратятся в маргиналии российского общества. Возможно, они не исчезнут окончательно, а станут основой различных реминисцентных субкультур и со-

ответствующих этим субкультурам замкнутых сообществ (групп), их поддерживающих (по аналогии с «монастырской парадигмой» Т. Роззакка). В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентаций, но не только в виде создания разного рода депозитариев, памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах. Этому могут служить различные микрообщественные организации, группы, движения, которые создают социальную сеть общения, хотя и находящуюся на периферии новой российской системы, но в силу своего сетевого и деинституционализованного характера способную выдерживать давление внешней среды.

Значительный корпус научных работ по ценностным структурам современной западной и российской культуры позволяет нам выдвинуть тезис об особом «испытательном» и экспериментальном характере современной российской культуры. Это положение дает возможность иной оценки культурных процессов в России, согласно которой Россия предстает не как отсталая и почти «варварская» периферия высококультурного Запада, а как культурная область, предвосхищающая развитие глобальных тенденций, сколь бы настораживающими они ни были.

Литература

1. Ritzer G. The McDonaldization Thesis. London: Sage, 1998.
2. Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997.
3. Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity / Ed. M. Featherstone. London: Sage, 1990.
4. Global Modernities / Ed. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995.
5. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
6. Stehr N. Knowledge Societies. London: Sage, 1994.
7. Tiryakian E. The Wild Cards of Modernity // Daedalus. 1997. Spring.
8. Wallerstein I. Unthinking Social Sciences. London, 1995.
9. Waters M. Globalization. London; N. Y., 1995.
10. Damroch D. We Scholars: Changing the Culture of the University. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
11. Plater W. Future Work: Faculty Time in the 21st Century // Change. 1995. № 27.
12. Seymour D. Once Upon a Campus: Lessons for Improving Quality and Productivity // Higher Education. 1995. Phoenix.
13. Rojek Ch. «Disney Culture» // Leisure Studies. 1993. № 12.
14. Rojek Ch. Decentring Leisure: Rethinking Leisure Theory. London: Sage, 1995.
15. Urry J. The Tourist Gaze: Leisure and Travel // Contemporary Society. London: Sage, 1990
16. Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. N. Y., 1974.
17. Clark S. The Crisis of Fordism or the Crisis of Social Democracy // Telos. 1990. № 83.
18. Edwards R. Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century // Feller R., Waltz G. (eds.). Career Transitions in Turbulent Times. Greensboro, 1996.